

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА ЖУКОВСКАЯ

(5. апреля 1920 – 7. января 1994)

Легче всего было встретить Лидию Петровну Жуковскую в рукописных отделах библиотек. У нее был дом, семья, но это почти не имело значения для понимания ее жизни и личности.

Она родилась в городе Мещевске Калужской губернии, но школьные годы ее прошли в Москве, здесь же она окончила филологический факультет Педагогического института. Подготовка к научной деятельности началась в 1943 г. под руководством проф. Р. И. Аванесова, крупного специалиста по фонетике и русской диалектологии. Несколько лет ее жизни были отданы работе над Атласом русских народных говоров. Защита кандидатской диссертации состоялась в 1953 г., когда Л. П. была уже сотрудницей Института русского языка Академии наук. Темой диссертации было палеографическое и фонетическое описание русской рукописи 14 в. Вскоре Л. П. выдвигается в ряд крупных специалистов по исторической палеографии и фонетике. В дальнейшем именно под ее руководством вышел в свет *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* (Москва: «Наука», 1984). Часть ее работ была посвящена новгородским берестяным грамотам, которые стали поступать в научный оборот с 1951. г. В число ее трудов входит издание *Мстиславова Евангелия* 12 века и исследование *Пролога*. Библиографический список ее работ превышает 200 номеров.¹ Докторская диссертация была защищена в 1970 г., тема ее

¹ Список опубликован в приложении к биографической статье, см.: В. Я. Дерягин – И. В. Левочкин, *Лидия Петровна Жуковская (к 70-летию со дня рождения)*. *Записки Отдела рукописей [ГБЛ]*. Выпуск 49. Москва 1990, 249-262.

была сформулирована, может быть, не совсем корректно с лингвистической точки зрения: *Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник*, словно писчий материал (пергамен) и история языка внутренне связаны между собой.

В действительности диссертация посвящена была типологии славянских рукописей *Евангелия*, но по условиям времени об этом нельзя было говорить прямо. Между тем, научной заслугой Л. П. Жуковской, которая останется за ней в истории славянской филологии, является именно разработка проблем славянского текста *Евангелия*.

Следует напомнить, что после революции 1917 г. научные работники оказались поставлены в невыносимые нравственные и бытовые условия. Все силы уходило на добывание средств для физического поддержания жизни. Уменьшилось число научных журналов, качество публикаций в них стало ниже допустимого уровня, политическая цензура все больше оказывала влияние на содержание работ. В начале 30-х гг. большая часть славистов подверглась физическому преследованию, многие из них погибли в тюремном заключении и ссылках (В. П. Бенешевич, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, Н. П. Лихачев, В. Н. Перетц и др.). Коммунистические власти видели в славистике источник религиозного влияния (из-за исследования древних рукописей церковного обихода) и оплот фашизма (из-за интереса к генетическим связям славянских народов в ущерб классовым). Возобновление историко-филологических исследований стало возможным лишь после окончания Второй мировой войны, в ходе которой власть слегка изменила свое отношение и к славянским родственникам, и к церкви, оценив их самостоятельное участие в борьбе с гитлеризмом.

Интерес к славянским древностям был допущен все же в узких пределах исторической палеографии, кодикологии и лингвистики. В 50-е годы возникла и расцвела школа исторического источниковедения. Ее центрами были Московский и СанктПетербургский (тогда Ленинградский) университеты, Институт русского языка Академии наук в Москве. В русле этой школы Л. П. вначале занималась палеографией и исторической фонетикой на материале древнерусских списков *Евангелия*, а затем перешла к типологическому их изучению.

Работы чикагской школы учеников и последователей Э. К. Колвелла (E. C. Colwell) по изучению типологии греческих служебных

рукописей *Евангелия*, начатые в 30-е гг. и завершившиеся в 60-е,² были тогда в России неизвестны. Л. П. сама проделала от начала до конца полную классификацию громадного количества рукописей *Евангелия*. Это были древнейшие списки. Число знакомых ей рукописей 11 – начала 15 веков дошло до 500. Их каталог был дважды опубликован ею, причем в разных вариантах расположения материала, что придает ценность обеим публикациям.³ Сегодня этот каталог является единственным и незаменимым пособием по изучению славянского *Евангелия* в его рукописной форме.

В центре научных исследований Л. П. Жуковской оказался полный евангельский апракос, на который пришлось двести рукописей в каталоге. Л. П. выявила несколько типов этого вида текста: в одном из них счет дней недели начинался с воскресенья, в другом – с субботы, в третьем – с понедельника. Ее внимание привлекли также рукописи с дополнительной неделей перед началом великопостного цикла. До сих пор греческая палеография не располагает подобной классификацией рукописных источников *Евангелия*, и это обстоятельство затрудняет историческое изучение славянского материала. Невозможно решить, что в этой типологии, созданной Л. П. Жуковской, воспроизводит греческие образцы, а что возникло в результате самостоятельного развития на славянской почве.

Энергично и последовательно Л. П. разъяснила своим коллегам, сколь важно при лингвистическом и филологическом изучении *Евангелия* учитывать тип рукописи. Один и тот же евангельский стих может иметь те или иные формальные особенности в зависимости от того, встречается он в синаксарной или месяцесловной части рукописи *Евангелия*, помещен он в начале чтения или середине его. Сегодня эта истина усвоена славистами в России в полной мере, тридцать лет назад ее не знал никто. Лишь М. Н. Сперанский

² См. о них: А. Wikgren, *Chicago studies in the Greek lectionary of the New Testament. Biblical and Patristic Studies in Memory of R. P. Casey*. Freiburg: Herder, 1963, 96-121; В. М. Metzger, *Greek lectionaries and a critical edition of the Greek New Testament. Die alten Übersetzungen des Neuen Testament, die Kirchenväterzitate und Lektionare*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972, 479-497.

³ Л. П. Жуковская: 1) *Типология рукописей древнерусского полного апракоса 11–14 вв. в связи с лингвистическим изучением их. Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология*. Москва: Наука, 1968, 199–332; 2) *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. Москва: Наука, 1976.

взялся было в свое время за рассмотрение этого вопроса, но так и не довел до конца за отсутствием необходимых сведений.⁴

Под влиянием мыслей Г. А. Воскресенского, знаменитого издателя славянских библейских текстов и, в частности, *Евангелия от Марка* по 112 рукописям,⁵ Л. П. склонна была думать, что полный евангельский апракос появился в русской письменности в 12 веке. Ей не хотелось соглашаться с М. Н. Сперанским, который достаточно убедительно доказал, что полный апракос возник уже в 10-м веке в Болгарии, откуда перешел в сербскую и русскую письменности.⁶ В те годы Л. П. разделяла всеобщую патриотическую веру в особое призвание русской культуры; в последние годы ее жизни эта вера приняла даже болезненный характер.

В 1963 г. Л. П. впервые описала фактически неизвестный науке тип сверхкраткого апракоса, в котором соединены чтения из *Апостола* и *Евангелия*.⁷ В отличие от краткого апракоса в этом типе цикл от Пасхи до Пятидесятницы содержит чтения лишь на субботы и воскресенья, опуская чтения будних дней. В греческой рукописной традиции *Нового Завета* такой тип рукописи не описан. Л. П. высказала предположение, что это и есть первоначальный литургический текст, переведенный св. Кириллом. С этой мыслью едва ли можно согласиться. Рукописи сверхкраткого апракоса поздние, лишь одна относится к 13-му веку, остальные принадлежат 14 и 15-му векам; все они, кстати сказать, сербского происхождения и все различаются составом чтений. Похоже, что каждая из них возникла независимым путем, а не списана с оригинала этого же типа. Вероятно, они были созданы для литургических потребностей малых сельских приходов, в которых отправлялось воскресное и праздничное богослужение.

При исключительной любви к русской национальной культуре, особенно в ее церковной форме, Л. П. не обладала всеми необходи-

⁴ М. Н. Сперанский, *К истории славянского перевода Евангелия*. *Русский филологический вестник*. Том 41. Варшава 1899, 198-219.

⁵ Г. А. Воскресенский, *Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций*. Москва 1894.

⁶ М. Н. Сперанский, *Разбор сочинений Г. А. Воскресенского*. *Записки Академии Наук по историко-филологическому Отделению*. Том 3, № 5. Санкт-Петербург 1899.

⁷ Л. П. Жуковская, *Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием*. *Вопросы славянского языкознания*. Выпуск 7. Москва: Наука, 1963, 73-81.

минны сведениями, чтобы двигаться в своих работах безошибочным путем. В частности, ей не хватало знакомства с историей православного литургического устава, почему ее объяснения наблюдаемых фактов не были достаточно убедительны. Справедливость требует сказать, что в русской историко-филологической науке никогда не было, как нет и теперь, компетентных знатоков этого предмета. Разрыв русской культуры с историческими корнями, ставший особенно болезненным в советскую эпоху, всегда отрицательно сказывался на исследованиях по истории культуры и письменности.

Л. П. была одним из немногих лингвистов, кто всерьез обратил внимание на проблемы текстологии, которые с большим успехом разрабатывались в 50-е гг. литературоведческой школой акад. Д. С. Лихачева. Она первая объяснила историкам языка, что факты, наблюдаемые в одной рукописи, должны сопоставляться с другими рукописями этого же текста, что их верная оценка может быть сделана лишь в результате текстологического исследования. Большую ценность представляет составленный ею список лингвистических элементов, обладающих значимостью в аспекте текстологии.⁸ В России при богатстве рукописных собраний эти идеи получили успешное развитие в историко-лингвистических исследованиях. Свидетельством этого является, в частности, серия сборников по историческому источниковедению русского языка, изданная Институтом русского языка при активном участии Лидии Петровны. Ей самой, правда, не удалось справиться с текстологией *Евангелия*, и не удивительно, потому что методика работы с произведениями так называемой «контролируемой текстологической традиции» сложилась позже, в компьютерную эпоху.

Влияние Л. П. на историко-филологические исследования в нашей стране было чрезвычайно велико. Ее трудолюбие и увлеченность служили достойным примером другим исследователям, вызывали к ней глубокий интерес со стороны начинающих. Она была заботливым и внимательным учителем и воспитала десятки научных работников, под ее руководством защищено 11 кандидатских диссертаций. Правда, созрев, ее ученики отдалялись от нее, характер у нее не был легкий. Для младших она была великодушным покровителем, к старшим могла относиться с благоговением (такое чувство испытывала она, например, к Н. А. Мещерскому), но с

⁸ Л. П. Жуковская, *Лингвистические данные в текстологических исследованиях. Изучение русского языка и источниковедение*. Москва: Наука 1969, 3-26.

равными она как правило вступала в борьбу. Сегодня трудно понять эпоху, в которую она складывалась нравственно. Сталинизм наложил свой тяжелый отпечаток на судьбы и облик людей, имевших несчастье жить здесь и тогда. В этих условиях Л. П. все же сумела сохранить главное – неординарный человеческий облик, и это привлекало к ней молодежь.

Трудно переоценить самоотверженность Л. П., с какой она взялась за работу по приведению в известность громадного материала рукописной традиции *Евангелия*; нельзя не восхищаться теми результатами, которые были добыты на таких необъятных просторах всего одним человеком. Ее вклад в русскую культуру выразился прежде всего восстановлением прерванной традиции славянской библиистики в России. Горько сознавать, что по условиям времени Л. П. не имела возможности прямо называть предмет своих занятий: библейские тексты она именовала «рукописями традиционного содержания», *Мстиславово евангелие* – «апракосом Мстислава Великого». Мы были благодарны ей за эти прозрачные эвфемизмы, под сенью которых незаметно возрастало новое поколение славянских библейских филологов. Посылая мне в подарок свою книгу 1976 г., она сделала на ней надпись: «Анатолию Алексееву с надеждой на рецензию – раньше или позже». Все мои работы, касавшиеся славянского *Нового Завета*, стали своего рода рецензией на эту книгу: усвоение этого наследия и его преодоление было необходимым этапом нравственного и научного развития. Теперь по прошествии почти двух десятилетий эти строки прощания становятся новой рецензией к новой встрече с Лидией Петровной Жуковской.

АНАТОЛИЙ А. АЛЕКСЕЕВ